

**Новикова М.А., Тулуп Э.Р.
ГЕРОИЧЕСКИЕ МОТИВЫ: ЛЮДИ ЦЕРКВИ**

УДК 821.111(411):264.931

История Шотландской Церкви не менее сложна и драматична, чем история Шотландского государства. Ее героические персонажи не менее (а, возможно, и более) разноплановы и противоречивы, нежели герои политические. Дадим краткую общую характеристику этих персонажей, а затем остановимся на некоторых фигурах, нашедших отражение в шотландской (иногда и шире: всей британской) литературе. Применим для этих целей комплексную стратегию исследования, сочетающую методы собственно литературоведческие (историко-литературные и теоретико-литературные) с методами смежных наук.

Статистические данные. Сколько героев насчитывает история Шотландской Церкви, установить (хотя бы относительно точно) невозможно. Кроме известных проповедников-миссионеров, были десятки и сотни их учеников и помощников, оставшиеся неизвестными. Помимо тех мучеников за веру, чьи имена остались в письменных (хроники, жития, переписка) или в устных (легенды, проповеди, предания) источниках, были тысячи других, от которых не дошло ни имён, ни даже могил [15].

Максимально авторитетным источником сведений и одновременно критерием шотландской «героической святости» можно считать такой тип текста, как святцы: указатель прославляемых в данный день святых, канонизированных Церковью. Оговоримся: здесь тоже есть свои трудности, как канонические, так и исторические. С канонической точки зрения, трудность для исследователя представляет изменение самих критериев святости. Кого и по каким признакам можно считать святым, зависело от тех или иных духовных и моральных приоритетов христианской конфессии/деноминации. С исторической точки зрения, трудность аналогична, а зависимость могла быть 1) государственно-политической (признание/поддержка/непризнание/преследование властями того или иного религиозного течения); 2) национальной (связь «традиций святости» со всей системой национальных традиций данной страны/региона); 3) исторической (влияние на церковные события и их оценку событий близкой/отдаленной национальной истории, включая исторические перспективы).

Святыми-героями Шотландской Церкви (а затем и героями шотландской литературы) становились деятели (реальные или (полу)легендарные), представлявшие: 1) разные иерархии единой конфессии (Церковь Кельтская, относительно автономная, - Церковь Римокатолическая, жесткоподчиненная Папе Римскому; 2) разные эпохи (до разделения Церквей (1054) – после разделения Церквей; Средневековье раннее (еще общинно-родовое) – среднее (феодальное) – позднее (ориентирующееся всё больше на интересы третьего сословия); 3) разные конфессии/деноминации (католичество – Реформация; католичество англиканское – «римское»; различные Реформационные течения: кальвинизм, лютеранство и др.)

Не будем специально останавливаться на богословских и собственно церковных аспектах этой проблемы: они выходят за рамки нашей работы. Отметим, однако, что разное отношение к тем или иным «героям Церкви» (и разница между самими героями) не могли не повлиять и на их литературные «портреты», на их место и функции в литературных сюжетах. Так, в истории Шотландии существует реальный человек, Гай Фокс: участник т.н. Порохового заговора (5 ноября, 1605) [15]. Он был повешен за неудачную попытку взорвать Английский Парламент, когда туда должен был прибыть бывший шотландский, позднее общебританский король Яков I (VI) Стюарт. Фокс является трагическим, но безусловным героем, «новым мучеником» в устных преданиях. Однако он же – «печальный клоун», неудавшийся трикстер низовой полуфольклорной английской традиции. И он же – совершеннейший «негерой», лишь мельком, анонимно упоминаемый в шотландских якобитских стихах-памфлетах, выпускавшихся в виде уличных листовок («биллбордов») [11; 13]. Один и тот же исторический персонаж не только получает разные оценки (а отсюда и разный модус повествования), но и попадает в разные художественные формы и жанры (предание/возвышенное житие, предание/ грубо сниженный гротеск, сатирическая пародия на молебен (серьезный церковный «жанр»). Причем внутри них персонаж приобретает различное функциональное место (главный герой; главный антигерой-трикстер; фоновый персонаж).

Вернемся, однако, к официально канонизированным шотландским святым. Для предварительного анализа ограничимся самым ранним периодом (V-XI вв.) и святыми, признанными как Церковью Западной, Римокатолической; так и Церковью Восточной, Православной.

Периодизация. История христианства в средневековой Шотландии (или шире: Шотландии и Ирландии; далее – Шотландии и Англии, плюс Уэльс, плюс Корнуэльс) с позиций литературы можно разделить на несколько периодов. 1) *Самый ранний, легендарно-«предысторический» период.* Его ключевые фигуры – Апостол Андрей Первозванный, Св. Иосиф Аримафейский. Ключевые жанры – устные предания (не обязательно канонические) и местные легенды (территориальные или клановые). Таковы легенды о пребывании на британской земле Св. Иосифа Аримафейского. Они связаны с шотландскими ответвлениями ордена рыцарей-храмовников (тамплиеров), и с их модификациями кельтского мифосюжета о Св. Граале [13]. 2) *Ранний документально-исторический период.* Его ключевые фигуры – первые миссионеры Шотландии: Св. Альбан, Св. Колумба, Св. Нинья, Св. Мунго, Св. Августин, Св. Бенедикт. Ключевые жанры – устные предания, письменные хроники, жития и церковные документы: прежде всего, решения Соборов и переписка с Папским Престолом. 3) *Средний документально-художественный период.* Его ключевые фигуры – любые крупные деятели Церкви в Шотландии и ревнители веры, как в прошлом, так и в настоящем. Отличительная особенность этого периода – одновременное функционирование ключевых

текстов и ключевых жанров трех типов: 1) легендарных; 2) документальных; 3) художественных. 4) *Поздний период*. Его ключевые фигуры – церковные реформаторы, полемисты-проповедники. Ключевые жанры – проповедь, послание, различные церковные акты; памфлет, сатира, пародия. К трем указанным выше типам текстов и жанров добавляется (и становится одним из главных) четвертый тип: 4) тексты (и жанры) публицистические. Однако именно этот период из-за острой конфессиональной и политической борьбы не оставил в Шотландии практически ни одного святого, который был бы канонизирован или совместно, Западной и Восточной Церквами, или хотя бы Церковью Западной, Римокатолической. «Новые апостолы» и «новые мученики» XVI – XVII вв. вошли в шотландскую литературу, минуя святцы.

Совместно канонизированные святые. Всего, судя по святцам, Восточная Православная (Кафолическая) Церковь канонизировала около 50-ти старокельтских и старобританских святых. Поскольку они жили до церковного раскола, все они канонизированы также и Западной Римокатолической Церковью. Выделить из них святых «специально» шотландских затруднительно, ибо все христианские деятели, начиная от первых веков н. э., понимали и осуществляли свою деятельность как межгосударственную и межнациональную (в церковных терминах, «вселенскую»). Эпитеты, традиционно прибавляемые к именам святых (например, Св. Кедд Лостингэмский, епископ Восточно-Саксонский (Уэсекский); или Св. Конон Палестинский), также не добавляют этому вопросу ясности. В первом из приведенных примеров имя святителя (Кедд) происходит от англо-саксонского имени Када [10, с. 101]. Эпитет при имени указывает на место, но не происхождения святого, а первого его значимого духовного служения. Второй эпитет при имени указывает на аналогичное место, но последнего служения, т. е. на последний прижизненный церковный сан. Таким образом, один и тот же деятель мог выступать и как кельт (ирландец или шотландец), и как англосакс. В «мирской» истории между кельтами и саксами шла непримиримая вражда. В церковных текстах святитель не является ни кельтом, ни германцем. Он - «добрый пастырь» всего «Христово стада», вверенного ему от Бога. Аналогично, преподобный Конон по этническому происхождению – несомненный кельт, о чем свидетельствует его имя [10, с. 124]. В Палестину Конон попал, скорее всего, как паломник. Там он остался и окончил свои дни диаконом в городе Назарете, где при раскопках древнего храма в начале XX в. был найден мозаичный инскрипт (надпись на полу) с его именем [9, с. 124].

Для нашей темы важнее иной вопрос: кто из этого списка (и с какой характеристикой) стал героем не только шотландской истории, но и шотландской литературы? В числе таковых первым, безусловно, следует назвать Св. Колумбу (иначе: Колумбана, Колумцилла).

Герой-миссионер: Св. Колумба. Сопоставим изображение деяний Св. Колумбы в текстах четырех дискурсов: документального, научно-популярного, публицистического и художественного (поэтического). Первый дискурс представлен жанром жития. Житие Св. Колумбы написано его учеником, Св. Адомнаном [12]. Второй дискурс – научно-популярный (статьи, разделы в учебниках) живописует деятельность Св. Колумбы как звено в цепи событий раннехристианской церковной истории [14]. Третий дискурс, публицистический, репрезентирован фрагментом из путевых очерков известного публициста, мореплавателя и натуралиста Хэмиш Хасуэлл-Смитта «Шотландские острова» [13]. Наконец, четвертый дискурс - художественный. Его представляет фрагмент из поэмы Т. Скотта «Фергюс, Вечный Шотландец» [6]. По жанру это мини-эпос, в сжатом виде описывающий религиозную, государственную и культурную судьбу шотландского народа.

Св. Колумба: житие. Строго регламентированный жанр жития охватывает своей регламентацией и характеристику героя. Как у многих ранне христианских святых, у Св. Колумбы автор жития акцентирует знатное происхождение, но от родителей-язычников. Подросший Колумба стал вождем («королем») небольшого родоплеменного «королевства» на северо-востоке Ирландии, в Ульстере. Его сородич Конал (Conall) также был «королем», и правил таким же небольшим раннесредневековым родоплеменным государством, Дальриадой, на северо-западе Шотландии. Колумба попал в плен; был продан в Галлию; там служил рабом-пастухом. В Галлии Колумба принял христианство; затем был выкуплен родичами из плена и вернулся в Ирландию. Здесь он постригся в монахи; вместе с другими ирландскими монахами-миссионерами, высадился на противоположном берегу пролива, в Шотландии. Там король Конал подарил миссионерам целый остров - Айону (Iona). На острове Колумба основал монастырь; отсюда начал обращать в христианство северных шотландцев-пиктов. За два года до смерти (595) он оставляет на о. Айоне и в других монастырях своих учеников, а сам уплывает на свою вторую, духовную родину – в Галлию. Там он успевает основать еще несколько монастырей, затем переезжает в Италию, где и умирает в возрасте 76 лет (597). День его канонизации (прославления), 9 июня по юлианскому календарю, и стал днем его памяти, отмеченным в святцах. За свои миссионерские заслуги Св. Колумба получил почетное прозвище «Апостол Каледонии», т. е. Северной, Северо-Западной и Северо-Восточной Шотландии.

Св. Колумба: научные статьи. Вся перечисленная информация содержится и в современных научных и научно-популярных статьях об истории Шотландии и шотландской литературы [11]. Однако именно сопоставление научного и житийного дискурсов обнаруживает принципиальное расхождение в трактовке «героической святости» - ключевого для нас концепта Средневековья. Суммируем основные пункты этого расхождения.

1. *Происхождение и формирование «героического святого»*. Для современного ученого важнейшим инструментом при анализе формирующегося характера Св. Колумбы является историзм как общий принцип, исторический контекст как конкретный объект анализа. Знатное происхождение обеспечило юному Колумбе относительную образованность, она, в свою очередь, объясняет гибкость его ума,

разнообразие талантов (военный; вождь и административный организатор; путешественник-проповедник; богослов; лингвист-полиглот; поэт, автор молитв-песнопений как на латыни, так и на гэлике, средневековом варианте бриттского (кельтского) языка). Для жизнеописателя-агиографа, Св. Адомнана [12], таланты Колумбы – дар свыше; с уровнем образованности он их никак не связывает.

2. *Испытания (инициация)*. Личная воля, доблесть, решительность молодого вождя, а затем немолодого настоятеля многих монастырей (притом монастырей, основанных на чужой земле) биографом Св. Колумбы отмечается, и это не удивительно. Как человек раннего Средневековья, Св. Адомнан не мог не знать, что с иными качествами Колумба и не стал бы лидером ни своей дружины, ни своего рода, ни своей вотчины-«королевства». Но эта мотивировка его выдвижения остается в подтексте, на втором плане. В тексте на передний план выдвигаются совершенно другие мотивы: крайней униженности боевого вождя, в одночасье превратившегося не просто в пленного, а в раба.

Далее, торговля пленными – обычная военная и пиратская практика того времени. Ради выкупа, собственно говоря, и брали в плен людей преимущественно молодых, сильных, красивых и, конечно же, знатных: их должны были выкупить в первую очередь. Для агиографа существенно не военно-коммерческая (историческая) сторона этого эпизода, а его провиденциальный и духовный смысл. Без такого внешнего и внутреннего потрясения удачливый предводитель языческой дружины не обратился бы к Богу христиан: Богу «униженных и оскорбленных». Выкуп же приобретает провиденциальное значение. Он, во-первых, также является даром и милостью свыше, укрепляя новую, христианскую веру Колумбы. А, во-вторых, без такого поворота агиографического сюжета невозможна его дальнейшая линия: пострижение в монахи и миссионерство Св. Колумбы [12; 13; 15].

3. *Завершение жизненного пути*. Опять отметим различие в научной и агиографической трактовке этого сюжетного (и персонажного) финала, развязки всей жизни «героя-святого». Для ученых со смертью Св. Колумбы его личное участие в сюжете заканчивается. Напомним: научным сюжетом является для них история раннего христианства в Шотландии. Для автора жития, «смерть героя» здесь, на земле, – очень важный, но не финальный, а срединный момент его биографии. Имеется в виду не только его последующая беатификация (официальная санкция Церкви на его почитание верующими; в церковных терминах, признание Колумбы «местночтимым» святым) [2, с. 108-109], а позже и канонизация (признание святым общехристианским, с установлением дня его памяти и специальной церковной службы; память Св. Колумбы отмечается 22 июня по юлианскому календарю). Смерть и земное посмертие Св. Колумбы также управляются личной, «адресной» заботой о нем Провидения.

Смерть в Италии – это завершение земного цикла Св. Колумбы, его посюстороннего существования в начальной точке западноевропейского христианства: в «Святой земле» Апостола Петра. Св. Адомнану незачем об этом подробно писать (но необходимо сохранить сам этот факт в памяти потомков), поскольку его читатели/слушатели уже давно знакомы с символикой и мистикой «Рима» как второго Иерусалима [12; 13]. Вместе с тем, «римская» (в широком смысле) кончина Св. Колумбы усиливает и подчеркивает его духовный авторитет, небесное значение его земных достижений. Про такую развязку можно сказать словами пушкинского Пимена, монаха-летописца, а до этого – тоже доблестного воина: «Окончен труд, завещанный от Бога // Мне...» [6]. Бог – я – Завет как форма связи Бога со мной – мой труд как форма обратной связи меня с Богом: таков этот тип мировидения и, отсюда, миссионерского и историко-литературного творчества, одинаково актуальный и для кельтского святого VI века, и для славянского подвижника века XVII-го.

Св. Колумба: публицистические факты и поэтический образ. Таким образом, мы перешли уже к художественному дискурсу. Его удобно сопоставить с дискурсом публицистическим, ему близким, но не тождественным. При этом (по условиям жанра, а именно – путевых очерков) в центре нашего сопоставления будет главный «шотландский хронотоп» Св. Колумбы: остров Айона, а также окружающие его острова и побережье мейнленда [12; 13].

В художественном (поэтическом) дискурсе, внутри «маленькой поэмы» Т. Скотта фигура Св. Колумбы (Колумцилла) возникает в первой же строфе. Выдвижение этого персонажа на столь инициальную позицию объясняется тем, что с его появлением начинается развитие одна из лидирующих тем всего произведения: медленное, со многими внешними и внутренними помехами, однако неудержимое движение Шотландии от варварства к культуре: «И где все скудно, все бесплодно было, // Луга взошли травой зеленой. // И белые монахи Колумциллы // Поют на острове Айона» [6, с. 267]. Т. Скотт ставит здесь в параллель мотив природный (дикое бесплодие VS луга, зеленая трава), мотив религиозный (белые, т.е. носящие белые одеяния, монахи; их настоятель, Св. Колумцилл (Колумба); их молитвы, они же песнопения) и мотив культурный (на о. Айоне, как и повсюду, средневековый монастырь становился центром новой агрокультуры, новой музыки, более современных методов врачевания, а заодно библиотекой, скрипторием (мастерской по переписыванию книг), школой для местных детей и взрослых и т.д.). Именно эта новая гармония мира земного и мира небесного, бытия природного, человеческого и сверхчеловеческого обеспечила, по мысли автора поэмы, гармонию межплеменную. Иначе непонятно, почему в цитированных строках говорится о монахе-миссионере и просветителе, а в строках предыдущих речь идет не о миссионерах, не о монахах; а о военном вожде («короле») Кеннете I Мак Альпине, предводителе скоттов, который впервые мирно («любовно») объединил их с пиктами через брак с дочерью пиктского «короля»: «< ... > впервой друг друга // Любовно пикты обняли и скотты: // Вождь Кеннет и его супруга» [6, с. 267]. Кстати, сам Кеннет был детищем аналогичных брачных союзов своих предков, скоттов, с пиктскими принцессами.

Итак, в художественном тексте и хронотоп (пейзаж острова Айона; экскурс в историю скоттов и пиктов), и характеристика героя слиты воедино - как композиционно, так мотивно и эмоционально. Сам авторский герой (его лирическое «я» в облике «Вечного Шотландца») видит все это лично: «Я долго жил: столетия, не годы. // Я видел <...>» [6, с. 267]. Автор иного жанра, путевых очерков, в ином дискурсе, научно-популярном и публицистическом, лично видит, конечно же, иное и иначе.

Исторический экскурс включает у него прежде всего не историю персонажа-человека, а геофизическую и биологическую историю самого острова Айоны. Главный жанровый «герой», которому отданы все сильные позиции текста, включая заглавие («Айона»), здесь уже не люди, а остров; сюжет – не их, а его эволюция; конфликт - не духовная борьба язычества с христианством, искушений с монашеским подвигом, а природное, «биоценозное» противоборство стихийных сил: сил разрушения и сил созидания (в частности, периодов глобального похолодания/глобального потепления). Даже там, где путевой очерк вплоть до прямых пересечений пересекается по материалу с житием Св. Колумбы, с церковными преданиями о нем (с поэмой Т. Скотта), автор-травелогист безо всяких полемических эмоций, вполне хладнокровно и относясь (скорее даже лояльно к фигуре и деяниям святого) развенчивает все мифопоэтические или легендарные элементы, обязательные для жанра жития. Св. Колумба, оказывается, приплыл на остров не столько волею Провидения, сколько с помощью парусника определенного типа (большой курраках, curragh). Поездки Колумбы в Галлию автора очерка не интересуют; смерть Колумбы в Италии он фактически отрицает. В Шотландии Колумба (как подчеркивает автор) был далеко не первым ирландцем-миссионером. Более того, на о. Айоне остались следы обитателей еще Железного века, а одно из древних гэльских его названий («Остров друидов») доказывает, что и «святым местом» остров стал задолго до возникновения на нем большого монастыря-аббатства. Вплоть до Реформации на острове сохранялись 360 каменных «кельтских крестов», реликтов друидизма: число, возможно, связанное с солярным культом кельтов [1, с. 80-82].

Иначе говоря, публицист не отрицает культур-трегерской роли Колумбы, но не усматривает в его героизме особой святости, а в его святости – особого героизма.

Заключение. Подведем некоторые предварительные итоги нашего обзора. Их можно свести к следующим, для нашей темы наиболее важным выводам.

1. «Героическая святость» - неотъемлемая черта средневековой литературы и культуры Шотландии. 2. Она унаследовала более древний, языческий тип «магического героизма», но адаптировала его к новой христианской религии и выросшему из нее новому менталитету. 3. Специфика раннесредневековых текстов, основанных на концепции героической святости, определяется антиномическим («нераздельным и неслиянным») единством универсального и локального, характерным для христианского мировосприятия той эпохи. 4. Уровень национальный для нее практически нерелевантен, поскольку такие понятия, как род, клан, племя, вотчина, дружина, братство, - покамест еще актуальнее, чем понятие нации – будь то нация в этническом или в политическом смысле. 5. Разновременные, разнородные и разнотематические тексты, в которых запечатлен главный религиозный герой тех веков, Св. Колумба, - демонстрируют, как сначала складывались, затем переосмыслились, еще позже десемантизировались (ибо теряли свои прежние функции) доминантные признаки этого героя. 6. Процесс этот привел к тому, что Св. Колумба, первоначально общая для всей Шотландии святость (сакрема), постепенно остался таковым лишь для католиков-традиционалистов. Для прочих шотландцев он перешел сначала на статус символа (но символа, также пока еще общешотландского), а далее для большинства остался только исторической реалией или (в некоторых поэтических и фольклорных текстах) вторичным авторским или массовым мифом персонажем.

Источники и литература:

1. Бахметева А. Н. Рассказы из истории Христианской Церкви. От I-го века до половины XI-го : в 2-х ч. / А. Н. Бахметева. – Изд-е Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. – Ч. II. – 276 с.
2. Бахметева А. Н. Рассказы из истории Христианской Церкви. От I-го века до половины XI-го. Начало христианской веры в Британии и Галлии : в 2-х ч. / А. Н. Бахметева. – Изд-е Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. – Ч. II. – С. 106-112.
3. Дмитриев Л. А. Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII-XV вв. / Л. А. Дмитриев // Истоки русской беллетристики : возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. – Л., 1970. – С. 244 сл.
4. Литература Западной Европы раннего Средневековья / С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, Е. М. Мелетинский и др. // История всемирной литературы : в 9 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1984. – Т. 2.
5. Новикова М. Пушкинский космос. Языческая и христианская традиции в творчестве Пушкина / М. Новикова. – М., 1983. – С. 73-78, 294-295.
6. Новикова М. А. Шотландия кровавая луна : Антология шотландской поэзии (с XIII-го века до века XX-го) / М. А. Новикова. – Симферополь : Сонат; Крымский Архив, 2007. – 320 с.
7. Поснов М. Э. История Христианской церкви (до разделения церковью – 1054 г.) / М. Э. Поснов. – Брюссель, 1964. – 614 с.
8. Поснов М. Э. Христианство в Британии / М. Э. Поснов. – 1964. – С. 236-237.
9. По святым местам : от Киева до Иерусалима / под ред. Новомученика прот. Александра Глаголева. – К., М. : Дух і літера; Образ, 2005. – С. 124.
10. Рыбакин А. И. Словарь английских фамилий / А. И. Рыбакин. – М. : Русский язык, 1986. – С. 101, 124.

11. Федосов Д. Г. Рожденная в битва х: Шотландия до конца XIV в. / Д. Г. Федосов. – М., 1996.
12. Anderson A. O. Adomnan's Life of Columba / A. O. Anderson. – Amsterdam, N. Y., 1961.
13. Haswell-Smith Hamish. The Scottish Isles / Hamish Haswell-Smith. – Edinburgh, N.Y., Melbourne, 2004. – P. 80-84.
14. Laporte J. Le Penitentiel de St. Colomban. Introduction et etude critique / J. Laporte. – Tournai, 1958.
15. Lynch M. Scotland. A New History / M. Lynch. – London : Century, 1991. – 499 p.
16. Scott Tom. Edinburgh University. Introduction to the Penguin book of Scottish Verse / Tom Scott. – Lnd., 1976. – P. 28.

Новицька О.А.

УДК 821.161.2-3(045)

ЖАНРОВО-СТИЛЬОВІ МОДИФІКАЦІЇ ПРОЗИ АНТОНА КРУШЕЛЬНИЦЬКОГО КРІЗЬ ВИМІРИ СЕЦЕСІЇ

На межі XIX-XX століття в літературі, мистецтві, архітектурі всіх країн Європи, а також на західних землях України, з великою інтенсивністю поширився новий, оригінальний художній напрямок - сецесія, який відбиває історичні та регіональні умови виникнення українського модерну - нового стилю, нового художнього світогляду, в рамках якого прихильники сецесії знайшли концептуальне узагальнення своїх прагнень й переживань. Синтез об'єктивної реальності й суб'єктивного сприйняття, що став основою естетики сецесії, знайшло своє втілення в трудах Т.І.Гундорової, Л.О.Гаєвської, І.О.Денисюка, С.Павличка, С.М.Трофимука, Т.Г.Третьяченко, В.В.Фашенко, Н.М.Шумило та інших. Унікальність сецесійної літератури не лише в її художньому вирішенні, неповторній поетичності ліній і форм, а й в сміливому

застосуванні нових психологічно-емоційних, морально-етичних аспектів, що знайшло своє втілення в творчості Антона Крушельницького, Лесі Українки, Михайла Старицького, Надії Кибальчич, Романа Іваничука, Василя Барки та інших. У контексті становлення нової парадигми історії української літератури письменники "молодої генерації" висвітлюють процес глобального художнього руху із визначеною ідейною програмою, який на зламі століть охопив майже всі види творчості, створив своєрідну інтегральну культуру. Наукове вивчення їх художньої спадщини є актуальною темою сучасного літературознавства, оскільки вони залишили своєрідну прозу і поезію, що є оригінальним складником національного письменства доби кінця XIX - початку XX століття.

Мета нашої статті - інтерпретація прози Антона Крушельницького як визначального представника сецесії через призму жанрово-стильових особливостей.

Антін Крушельницький належав до того покоління діячів культури, яке заявило про себе наприкінці XIX - на початку XX століття і започаткувало в літературі новий, не знаний доти напрям художнього мислення. "Ініціативний, цілеспрямований, працелюбний, Антін Крушельницький мріяв волі особи, можливості говорити про болі душі, не оглядаючись позад себе" [Дубина1993:3]. Молодий письменник відтворює і знаходить зовсім несподівані фігури і події. І.Я.Франко згодом констатує: " Молоді письменники не зупинялися перед ніякою драстичністю, перед зіпсуттям і неморальністю, а декому здавалось, що вони навіть залюбки малювали ті темні, патологічні сторони життя. Тут були і пориви широкого чуття, такого чистого й високого, неважаючи на грубу форму, як і в першого ліпшого інтелігента, і пориви жорстокості та дикості, сплоджені віковою темнотою; були своєрідні радощі й турботи, забобони і шира віра, злоба й насміхи, сльози й прокляття, одним словом були люди з таким багатим і різномірним світом думок та почувань, якого там досі не підозрівано "[Франко1984:497]. Так, ввібравши в себе кращі здобутки художніх досягнень літератури попереднього періоду, творчість Антона Крушельницького також не позбавлена окремих творчих відкриттів. Письменник в образі своїх героїв помітив внутрішню відкритість людини, які, при всьому змушеному режимі конспіративності, жадали спілкування, прагнули поділитися думками, запалити своїми настроями інших. За розумінням О.Л.Гаєвської, "духовні поняття жалю, туги, любові, долі матеріалізуються і набувають конкретно- чуттєвої достовірності й переконливості, живої плоти й крові, розкладаючись на ряд фізично відчутних емоційно-фізіологічних жестів, ці, так звані натуралістичні подробиці, набувають духовного смислу і глибини, духовно висвічуються, потрапляючи в стихію поетичної умовності [Гаєвська 1987:284]. Така духовність не повинна зникнути, вона повинна облагородити і перетворити життя. Отже, спроби пізнати концепцію людини, осягти морально-етичну проблематику персонажів, їх навколишній світ значною мірою через самовідчуття, самоусвідомлення людини в певних соціальних обставинах робляться письменником через ідейно-естетичну оцінку фактів і явищ тогочасного літературного життя.

В нарисах Антона Крушельницького герої являються керуючою ниттю, яка дає можливість з'ясувати мотиви тощо чи іншого твору письменника. З одного боку авторові достатньо інколи надати герою ім'я, щоб зафіксувати за ним дії, необхідні для розвитку сюжету, але, з іншого боку, характер відображається з вчинків і поведінки героя ("Непотріб", "Ізза віна"). З розвитком фабули письменник дає нам нагоду простежити за змінами самого характеру діючої особи. В нарисі "Непотріб" Михась ще на початку твору щасливий хлопчик, який день у день ходить до школи: " Зразу припала вона йому дуже до вподоби "[Крушельницький 1900:8]. Та вже в кінці нариса ми бачимо: "Блідий, наляканий хлопчина (Михась - О.Н.) виходить із лавки та стає перед катедрою. Книжка трясеться йому в руках. Коліна вгинаються, гострий погляд професора збентежив його ще більше" [Крушельницький 1900:14]. В нарисі "Ізза віна" серце Федора таке втішне, одружившись із Параскою, він повеселішав, став охочий до роботи. Та з часом серце Федора